

ГОРОДСКАЯ ПРОЗА

Михаил
ЗУЕВ

ПАТЧ. КАНУН

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-93

Зуев, Михаил.

3-93 Патч.Канун / Михаил Зуев. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 384 с. — (Городская проза).

ISBN 978-5-17-117858-1

Молодая женщина из Эстонии, сорокапятилетний телесценарист-москвич и шестидесятилетний мультимиллионер — волею судеб встречаются на средиземноморском острове и становятся объектом эксперимента, какого не знала человеческая цивилизация: создания новой расы людей, чуждых агрессии, тех, кому уготовано спасти планету от неминуемой гибели.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-117858-1

© Текст. Михаил Зуев, 2019
<https://www.facebook.com/formikezuev>
© Дизайн. Алекс Андреев
© Оформление. ООО «Издательство АСТ»

Соне, с надеждой.

_____ *Уважаемый читатель!*

В моей книге работает технология дополненной реальности (Augmented Reality Technology). Чтобы быть во всеоружии, загрузите в ваш телефон приложение Alchemy AR. Оно доступно как для Apple iPhone, так и для Google Android. Встретив в книге кодированные рисунки и видеосюжеты — вы легко поймете, что это именно они, — запустите Alchemy AR, наведите камеру телефона на кодовое поле и следите за происходящим на вашем экране. Кстати, первый код дополненной реальности ждет вас уже на следующей странице.

Автор

Предисловие автора

ALEXEY
ANDREYEV
ARTWORKS
AR/VR

ALEXEY
ANDREYEV

*Чем дальше в лес, тем в нем матёрей волки,
Чем дольше век, тем в нем заметней ржа,
Что днища лодок ест, и сталь иголки,
Блеск ножниц, острие карандаша
Приравнены к оружию, изъяты,
На крайний случай сточены. И лишь
Отцовы латы, дедовы заплаты,
Прабабкин плат ты доблестно хранишь.
Но помни, о дитя больного века,
Чернильниц хлеб чернильным молоком
Прихлебывая — лес дрожит от снега,
И волки ссут и плачут кипятком.*

Ольга Левская

= 01 =

Сон ускользнул, как не было. Испарился без будильника. Цифры проекционных часов на потолке пульсировали, то набирая, то ослабляя яркость. Около девяти, но в комнате с не зашторенным на ночь окном отчего-то было подозрительно светло. Наверняка, подумал Андрей, за ночь выпал снег. И не просто

снег. А много снега. Декабрь — всегда декабрь. Несколько следующих, последних между сном и утром, минут он лежал неподвижно, распластавшись по шелку простыни, растекшись телом и мыслями, словно прислушиваясь к своему нынешнему состоянию. Сложному, странному, но приятному.

Голова не болела. Совсем. Так, слегка, наблюдалась некоторая воздушность и игривость, но — ничего серьезного. Прошло без последствий. Не отрывая головы от подушки, Андрей нащупал на полу бутылку боржоми, отвернул пробку, сделал пару объемных глотков, прогоняя намечающийся сушняк. Да, конечно, не будем отрицать, позволили вы себе, молодой человек, вчера лишнего, спору нет. Но ведь не надрался же! Наконец, ему стала понятна истинная причина такой легкости: впервые за долгие дни можно было расслабиться. Вот просто взять — и расслабиться. Лежать и плевать в потолок, в переносном смысле, а если захочется — так и в прямом. Не бежать никуда, не спешить, не начинать побудку с электронной почты вместо туалета и ванной. Не застывать, не успев одеться, в позе лотоса в глубоком кресле возле хищных мониторов, вычитывая на пока свежую еще голову пришедшие сквозь прерванный в полчетвертого утра сон очередные гениальные абзацы. Не накидывать с отвращением в телефон строчки новых дел на сегодня, взирая с тоской на так и не выполненное вчера (и позавчера, и позапозавчера).

А вот теперь можно было просто ничего не делать. Ничего. Ни-че-го-шень-ки. Совсем ни фиги. Сдан проект. Сдан. Закрыт. Сдан и закрыт с триумфальным результатом! Всё! Свободен на четыре месяца. Как ветер в поле! Никакой Москвы, никакого офиса, никакой зимы. Сто двадцать два дня подряд — я не ваш, я ушел, я ничей, я свой и только свой!

Андрей закинул в рот последнюю «житанину» из мятой пачки, прикусил зубами, щелкнул бензиновым огнивом «зиппо». Глубоко, с чувством затянулся. Сделав паузу, с драконьим присвистом выпустил дым через ноздри и легким пружинистым движением сорокапятилетнего знающего себе цену альфа-самца соскочил с распростертого под ним дивана. Потянулся — до хруста в суставах, подошел к окну.

Замело. Серьезно и, похоже, надолго. По Беговой еле плелся нескончаемый автомобильный поток. У въезда в тоннель под Ленинградкой три мелких машинешки (у Андрея было для них специальное смешное слово — «колобашки») сцепились боками и бамперами, образовав бестолковый островок из грязного дешевого железа; его было вынуждено обтекать безбожно тормозящее, из-за нежданного препятствия и отвратного непрекращающегося снега, Третье кольцо. Нажав наощупь несколько кнопок на космического вида кофемашине, обосновавшейся в углу высокой барной стойки, Андрей запрыгнул под душ и включил нестерпимо горячую воду. Раньше он уже ставил над собой эксперименты на тему

«что и в какой последовательности лучше»: сначала нежный капучино, а потом теплый душ, или сначала контрастное водно-процедурное издевательство над собой, и только потом малюсенький ристретто с полустаканом тающей ледяной крошки из фризера? Второй вариант всегда приводил в чувство и согревал гораздо результативнее, посему был принят за стандарт де-факто.

Андрей машинально открыл кухонный шкаф и потянулся за пакетом кошачьего корма. И только уже на полпути руки с пакетом обратно вспомнил, что еще вчера отвез Матвея к матери. Вообще-то Андрей любил собак. Но позволить себе собаку не мог. Какой пес выдержит взаперти суточные отлучки хозяйина, командировки, суету и катавасию рабочего процесса по ночам да дым коромыслом и столбом? А вот котам на это глубоко начхать. Вначале, когда Андрей только присмотрел на «птичке» серого пушистого маленького сибирца, звали его Барсик. Или Мурзик — Андрей уже точно не помнил. Еще какое-то сложносоставное имя было в родословной записано, но оно уж точно оказалось невыговариваемым. Котенок рос хитрым, сообразительным и подвижным. Когда хозяин начинал что-нибудь есть — причем неважно, совпадала ли еда с кошачьим рационом или нет, — маленький изверг всегда запрыгивал на стол, садился в полуметре от Андрея и заглядывал в рот. Поэтому всякие барсики-мурзики были быстро забыты, а подрастающий кот по праву стал именоваться

Сборщиком Податей Левием Матвеем. Первые три составные части имени из-за длинноты тоже вскорости отпали, а Матвей — остался. Животным Матвей был своенравным, весь в хозяина, никак не иначе. На «кис-кис» и «Мотю» только презрительно щурился, ожидая, когда же, наконец, к нему обратятся по всей строгости и должности формы.

Матвей легко переживал двух-трехдневные отлучки Андрея, когда тому приходилось ехать в очередной дом творчества на коллективную сессию — просто мама заходила раз в день, давала корма и чистила лоток. Однажды Матвей прожил без Андрея в пустой квартире вообще почти две недели. Когда Андрей вернулся с отвратного выездного проекта, злой и уставший, Матвей встретил его, сидя на домашней барной стойке в позе сфинкса, повернутого к Андрею задницей. Попытки Андрея поменять свое положение в пространстве так, чтобы можно было поговорить с головным концом кошачьей тушки, ни к чему не приводили — кот, как стрелка компаса, отворачивался от Андрея, юстируясь к носу хозяина толстой пушистой жопой. Только где-то через час Матвей наконец-то сменил гнев на милость и взял из рук хозяина кусочек вареного мяса.

Ключей от «кадиллака-эскалейда» на привычном месте тоже не было. Сразу после процедуры передачи кота матери машина уснула в теплом многоэтажном гараже. На ее довольных, в кои-то веки отмытых и навощенных отполированных боках читалось:

«сами возитесь в вашей собянинской грязи и дерьме, а у меня — отпуск!», так что в офис вчера Андрей заезжал уже на метро. Уложенная также еще вчерашним утром нехитрая поклажа — два небольших, но очень стильных чемодана, один из которых оденный, а второй так называемый «технический», — обрадовала Андрея: сегодня собирать уже ничего не надо, не надо лазить по шкафам в поисках шмоток, белья, парфюма и прочих мелочей, рискуя что-нибудь обязательно забыть. Андрей с детства ненавидел суету и предпочитал все делать заранее. Лучше чуть-чуть потом подождать, чем с вываленным на плечо языком в идиотской спешке догонять. Вот и такси он вызвал еще вечером.

Андрей потянулся к вешалке за курткой-аляской, но понял, что там, куда он едет, она ему совсем не пригодится. Сдвинул створку зеркального платяного шкафа-купе рядом с входной дверью и достал джинсовую куртку с теплой отстегивающейся подкладкой. Присел в кресло — «на дорожку», окинул свою дизайнерскую минималистскую холостяцкую берлогу прощальным взглядом, приподнял чемоданы и шагнул за порог. «Из гавани домашнего уюта в наполненный ветром океан дальних странствий» — выпрыгнула из котла креативного варева в сознание неуклюжая пошлая отштампованная фраза. Андрея улыбнуло.

Кургузая желтая, по крышу в мокрой дорожной грязи машина ждала Андрея у подъезда «дома на ногах».

